

Турсын

ЭЛЕЦСИЗЫЛЫ

«ЖДИ МЕНЯ...»

Для меня малая родина начиналась с кизячного дыма горного аула с красно-речивым названием «Алмалы». «Алма» – это яблоко, а «алы» – много. Самое яркое воспоминание из моего далекого детства – золотой цветок подсолнуха, «сопровождавший» солнце, с восхода до заката.

И в этом живописном уголке родился я. Здесь мой дом, улочка, по которой когда-то бегал босиком. По доброму старому обычаю наш дом построили всем миром. Рядом журчала горная речка Алмалинка. А на окраине аула шелестела лиственной березовая роща, окруженная высокими тополями и цветущей черемухой. Там тёплыми вечерами собирались местные аксакалы, вели тихие беседы, обсуждали житейские проблемы, рассказывали байки.

– Е-е... откуда этот старик взялся? Что-то вчера его не было.

– Да, он, похоже, из приграничного аула Баскунчи, там, на реке Хоргос, стоит мельница... Видишь, на нас, пацанов, смотрит с опаской. И на палку сильно опирается, видно, нога болит...

– Ей, пацаны, что вы так разглядываете горемыку.

– Аташка, он не горемыка вовсе, видите, одет по-городскому.

– Барекелде, сынок, тогда не мешайте нам, старикам.

Старики как всегда делились последними новостями, забыв об одышке и прочих возрастных болячках. Незнакомец подошёл к группе мужчин, игравших в кости, и учтиво поздоровался:

– Салам алейкум!

– Алейкум салам! – ответили те на приветствие. – Да будет благословен ваш край, аксакал! Присоединяйтесь к нам.

– Благодарю вас, добрые люди! Слава Создателю, что я дожил до этих дней, если принимаете меня за игрока, – сказал пришелец.

Главный «игрок» Саламат, помоложе других аулчан, пригласил аксакала шутливыми словами:

– Вы наш гость и не такой уж старый. Мы назначим вас командиром отряда особого назначения...

Аксакал заметно погрузтел, вздохнул тяжело и произнес:

– Слава Аллаху! У нас пока здесь мир и лад, радуемся, празднуем тои. А вот в Европе происходят страшные события. Гитлер хочет захватить всю Европу.

Кажется, наступили трудные времена, так как фашисты вероломно напали на Советский Союз. Видимо, эхо войны докатится и до нас. Но не стоит отчаиваться. Я уверен, русские отстоят страну...

В трех километрах от Алмалы находился колхозный яблоневый сад. Если пойти дальше и повернуть на запад, то хорошо виден поселок «Авангард», где в основном жили русские. Пацаны двух деревень играли в игру «Красные и белые». Односельчане со стороны весело наблюдали за игрой ребят, подбадривая их.

– Журсын, будь внимателен! Смотри, куда белые путь держат, возможно, они в лес побежали.

– Ладно, – отвечаю я и с азартом включаюсь в игру.

«Белые», в нашем понимании немцы, убегали довольно далеко и затем прятались в одном из многочисленных секретных мест, а «красные» вынуждены были возвращаться домой, не обнаружив никого. На другой день проигравшие бой менялись «цветом». Так за вечер мы пробегали много километров по лужайкам, по полям, не замечая красоты стройных берез, цветущих черемух и сирени.

Играя с ребятами, я приобрел много друзей, старался подружиться со старшими пацанами. Среди них особенно выделялся мальчик Боря. Мы понимали друг друга с полуслова. Я подражал ему и многое перенимал. Вдвоем мы лазили по чужим курятникам, таскали яблоки из колхозного сада. С ним я всегда мог бы пойти на любое рискованное дело. Однажды он сказал мне, что его отец Иван Голод до войны служил в Брестской крепости и участвовал в ее обороне.

Вскоре в двух селах начался голод и холод. Мы с Борькой, чтобы прокормиться, стали заядлыми ворами. Втайне я завидовал его бесшабашности. Мне не хватало Борькиной отваги. Смотрю, иногда под глазом у него синяк, губа рассечена, то бровь, как у драчливого петуха. Авангардские мальчики его называли не Борей, а Болатом, так как его крестным отцом был казах. В школе он стоял на учете. Конечно, за драки. У него с учебой было плохо, часто пропускал уроки, грубил учителям. Спрашивать у Борьки, кто его побил, было бессмысленно: он никогда не скажет. Он немного шепелявил. Это у него получалось смешно. Боря не выговаривал букву «р» и «ш». Однажды в ауле случилось ЧП, потерялся бывший фронтовик Сабырбай Дуанбек. Чтобы найти его, подняли на ноги всех жителей. До войны он был чабаном, и сельчане хорошо помнят его ночной поединок с матерым волком.

А дело было так. Глубокой ночью Сабырбай, пасший овец на отдаленной чабанской стоянке «Дунган», услышал перепуганный лай собак. Недолго думая, он вышел в ночную темень. Не успел сделать несколько шагов, как увидел разбойника, смотревшего прямо в глаза человеку. Холодный, хищный взгляд голодного зверя не оставлял сомнений – будет схватка! Мозг Сабырбая работал четко и ясно. В эти секунды, до смертельного броска зверя, он не думал о прожитом, о детях, не смотрел в последний раз на небо, как часто пишут в романах. Он думал, как выжить в этой ситуации, и даже слишком трезво просчитал свои шансы на спасение. Увы, при себе у старика не было даже ножа. А волк словно гипнотизировал его, будто еще до нападения стремился подавить его волю, сломить, а затем уничтожить. Голодный зверь, бросив растерзанных собак, кинулся на него. Примерно через полчаса, весь искусанный и окровавленный, чабан разорвал пасть дикому зверю. Медики сельской больницы, куда был позже доставлен Сабырбай,

только покачивали головами, накладывая повязки на тело и руки мужественного человека. Завидная сила духа и рук, державших всю жизнь чабанский посох, помогли аксакалу одолеть зверя в смертельной схватке...

Два дня за овцами присматривала жена Айша. На третий день все сельчане и школьники кинулись искать Сабырбая на Алмалинке.

– Э-эй! Посмотрите-ка, под мостом кто-то есть! – раздался голос и разбойничий посвист Борьки.

Все сбежались к мосту. Толпа замерла, шум стих. Мы напряженно наблюдали, как два крепких джигита вытаскивали тело еще живого Сабырбая, лежавшего между двух больших бревен. Как он оказался под мостом, кто его туда спрятал: черт или дьявол, до сих пор остается загадкой.

Наш Сабырбай ата дружил с нами, ребятами. Бывало, идем из школы мимо его дома, так он – здоровается и спрашивает:

– Ну, пацаны, как дела? Что-то вы сегодня в дневниках несете? – И, весело смеясь, продолжал: – Смотрите, дети, сейчас, несмотря на войну, с учителей спрос особый. Они должны дать вам знания, а вам учиться на пять, чтобы стать настоящими защитниками Родины!

До сих пор перед глазами высокий, широкоплечий, с сильными руками старик, в меховой ушанке и сапогах. Лицо его медно-красное от ветра, лоб широкий, а глаза ясные и приветливые. Его жена Айша апай рассказывала, что муж, не проотившись с односельчанами, ушел на фронт прямо из МТС. От него было одно письмо, единственное, а потом молчание. Пропал без вести. И мы считали его погибшим. Но в конце советско-финской войны, когда уже все отчаялись, Сабырбай Дуанбек вернулся домой.

В селе его все уважали, и на похороны пришли люди со всей округи.

* * *

После тяжелой болезни умерла наша добрая мать Алтын. Отцу Елеусизу стало трудно смотреть за нами троими: он с утра до вечера работал в поле, поливал кукурузные плантации в «Дунгане» колхоза «Красный восток». Он был неутомимым трудягой.

Мне исполнилось пять лет, и поэтому за сестричкой Кызжибек и братишкой Дауреном присматривал я. Мы остро почувствовали, каково жить без матери.

– Здравствуйте, ребята! Где отец?

– Как где? На работе!

– А я смотрю за домом, слежу за порядком, чай кипячу...

– Молодец!

Пришедший к нам старик был явно раздражен и что-то ворчал под нос.

– Что случилось, ата?

– Смотри, около дома собаки, а в старом сарае вашего дома пьют-едят подозрительные люди. Нельзя же так – тут же одни дети. Сынок, я обо всем доложу в сельсовету и руководству колхоза.

– Спасибо, аташка, расскажите...

* * *

Настал день, когда отец повез нас в село Педжим, где жила Жамал, доводившаяся ему дальней родственницей. Утром мы оставили аул Алмалы. По пыльной

дороге отец и я пошли пешком, ведя коня на поводу. А брат и сестра сидели на лошади. В пути Кызжибек и Даурен весело болтали друг с другом, радуясь предстоящей встрече и дороге.

Ярко светило солнце. Над полями, цепляясь за ветки, летали паутинки бабьего лета. Отец рассказывал, что на кончике каждой нити сидит крошечный паучок-путешественник. Он хотел поймать одного и показать Даурену, но потом передумал: «Зачем беспокоить и останавливать лошадь». Когда мы подъехали к дому, к нам подбежала толстенная смуглая женщина, намереваясь помочь нам. Лицо ее было мрачным, и она, даже не поздоровавшись, сказала:

– Подумать только, везти детей верхом из такой дали!

– Ничего, пускай привыкают, – добродушно отмахнулся отец.

– Бедные мои сиротки! Если бы не я, кто вас встречал бы?! – пробормотала она, держа за руку Кызжибек и Даурена. Затем торопливым шагом вошла в дом. В комнате у нее было душно и тоскливо, пахло сыромятиной и табаком. Во всей обстановке царила неясная тревога.

– На душе у меня, Елеке, беспокойно, – вслух произнесла она. – Муж-примак исчез, видимо, прячется в горах Джунгарского Алатау, оттуда он спокойно может убежать в Китай. Он боится сурового наказания за то, что отказался пойти на фронт. – Лицо ее искривилось, голос задрожал, и она горько заплакала.

– Слезы не помогут, лучше скажи, что ты намерена делать дальше? – спросил отец. И пристально еще раз посмотрел в ее мокрые глаза и вздохнул.

– Не знаю, боюсь оставаться дома одна. Хорошо, что теперь дети, а то совсем замучилась от страха.

– Попробуйте перейти в другой дом.

– Думаете, это легко? Кому нужна моя старая развалюха?

– Найди подходящего человека.

Она засмеялась и сказала шутливо:

– Ты нравишься мне. Однако тебя тоже заберут на фронт...

– А если вдруг Коянбай придет на ночь?

– Нет, не посмеет. Он труслив как заяц. Недаром его называли Коянбаем. Вот уже месяца три, как исчез. До сих пор ни слуху ни духу. Наверно, через реку Хоргос миновал государственную границу и ушел в Китай, как будто ему там хорошо будет. Ни за что нее поверю, там тоже несладко, слышала, что японцы напали на китайцев, – при этих словах глаза у нее опять повлажнели, а лицо стало бледным.

– Жамал, я не совсем понял смысл слова «примак»? – спросил отец с усталым видом.

– В исключительных случаях муж идет жить в семью жены, таких называют примак, – ответила она, удовлетворив любопытство отца.

После ужина перед сном разговор отца с ней продолжился.

– Дорогая Жамал, ты правильно поняла меня, жду повестку. Мне тоже несмотря на возраст надо защищать Родину, а пока хочу съездить в Талды-Курган по личным делам. Пусть они поживут у тебя, а там я приеду за ними. Сейчас мне их не с кем оставить. А Журсыну пора в школу, если будет возможность, пусть идет в школу, я в долгу не останусь. – Затем отец, немного задумавшись, продолжил: – Что бы ни случилось с вами, вы должны мужественно переносить все, ежели твердо решились жить в одиночестве.

– Видите, мои дела тоже не гладки, – отвечала Жамал. – Работаю дояркой, молочная ферма находится в трех километрах от усадьбы колхоза. А когда пойду доить коров, кто будет смотреть за ними?

Она заметила, что Елеусиз всей душой хотел помочь ей, но не мог.

Не знаю, чем закончился их разговор, – устав с дороги, я уснул. А утром, когда мы проснулись, отца уже не было.

* * *

Первые дни было хорошо. Но вскоре Жамал стала смотреть на нас суровыми глазами. Ласки ее были непонятными, назойливыми. Своей ладонью она обычно гладила и гладили одно и то же место, точно втирая в кожу какую-то мазь, и ворчала:

– Не забывайте моей доброты, даже матери так не относятся к своим детям, как я. Видите, я к вам как никогда добра!

Однако в этой коварной женщине было много фальши. Иногда она целыми днями держала нас взаперти. А вечерами изредка была с нами, готовила ужин, шила свои сапоги. Кызжибек не взлюбилав эту женщину и вела себя как озорной мальчишка. А однажды свистнула так громко, что Жамал апай испугалась и прошипела:

– Ойбай-ай! Замолчи, противная девчонка! Соседи что подумают! – И ударила скалкой по голове так сильно, что пошла кровь. Кызжибек стало плохо, и она заплакала еще сильнее.

– Я не хотела, перестань плакать, – испуганно крикнула Жамал. Растерявшись, она не знала, как ее успокоить...

У Жамал не было своих детей, поэтому она не испытывала материнских чувств и была холодна. С ней нам не повезло. Через три месяца не стало Даурена. А Кызжибек стала болеть, постоянно жалуясь на ушибленную голову.

Шло время, я чуть повзрослел, скучал по родному аулу. Часто лежал на траве, закрыв глаза, и мысленно видел родной аул. Глядя на небо, на белые облака, мне казалось, что земля вздрагивает от ударов моего сердца.

А в памяти сохранился светлый облик матери Алтын. Какая она была спокойная и добрая. Однажды я, как делают ныне дети, упал на землю и стал колотить ногами и плакать. Она не грозила палкой, как Жамал апай, а спокойно смотрела на меня, а затем, чтобы отвлечь мое внимание, тихо сказала:

– Журсынжан! Слышишь гул мотора?

– Слышу, – тихо вздохнул я.

– Тогда пойдем посмотреть новую машину, – и она подняла меня на руки. Тут же переставал плакать. Ее легкая манера и ласковый тон останавливали капризы.

...И снова та же пыльная дорога, мы возвращаемся домой. Конь везет нас троих, струи пота текут по бокам и по спине. В седле сидит отец, впереди Кызжибек, а позади я.

– Быстрее, отец! Дайте мне камчу!

– Сынок, видимо, ты сильно соскучился по родным краям?!

– Да, отец, очень соскучился!

– Вот и приехали, вон твой Болат бежит навстречу.

В протянутой руке он сжимал серый хлеб.

– На, ешь, – как-то с грустью сказал он. – Что с ногой, тебе больно?

– Да вот угодил в яму, когда играл в прятки с уйгурскими детьми. А когда встал, не смог на ногах удержаться. Я даже не заметил, как угодил в эту яму. А дно у нее оказалось каменистым, – ответил я.

На следующий день отец повез к местному врачу. Человек в белом халате внимательно осмотрел на меня и спросил:

– Ну-ка, расскажи, что у тебя болит?

За меня обо всем подробно рассказал отец. Врач хотел положить в больницу но я заплакал.

– Ну, мальчуган, смотри, если худо будет, на меня не обижайся.

На шоссе на дороге нам прямо в глаза ударил свет фар военной машины. За рулем сидел молодой солдат. Щеголеватая шинель была ему к лицу. Он, проверив документы отца, сказал: «Оказывается, вы свои».

Мы снова очутились в Алмалы. Аул окунулся в густую бархатную темноту.

Наша соседка Ардак апай считалась хорошей знахаркой-костоправом. Она часто навещалась ко мне, спрашивала о здоровье. И вот лежу, с нетерпением жду ее. Кто-то стучит в окошко.

– Журсын, ты тут?

Слышу знакомый голос Болат из Авангарда. В его разговор вмешалась Ардак апай, вошедшая за ним.

– А что ему болеть? Ногу я заговорила, вывих на левом тазобедренном суставе аккуратно поставила на место, затем обмотала верблюжьей шерстью. Всемогущий Аллах если поможет – поправится!

В это время стоявшая возле кровати моя сестренка по-детски кротко посмотрела на нее и спросила:

– Апашка, хотите конфетку?

– Спасибо, не хочу.

Минутку помолчав, она продолжала:

– А теперь меня спросите, может, я хочу!..

Ардак апай растерялась, ни конфет, ни сахара у нее не оказалось. У этой одинокой бабушки единственной поддержкой была одна корова. Проклятая война не обошла и ее дом. Единственный внук Аскар погиб в 1939 году во время советско-финского конфликта, а сноха уехала от нее в Жаркент. В полной мере ей достались все горести войны: голод, холод, разруха.

Лекарства из ее рук казались мне не такими горькими. И боль в ноге отступала. Забегая вперед, скажу: может быть, и не лекарства вылечили меня, а ее доброе сердце!

* * *

Природа ожила. Прилетели птицы. Уже зацвели яблони. Мой аул-сад утопал в зелени. Я любовался всей этой красотой. Вдруг услышал голос моей сестренки, кричавшей из окна: «У нас гость. Приехал ата». Заглянув в дверь, увидел восседавшего на почетном месте дома Жадыра ата. Он сидел молча и с интересом разглядывал нас. Ата был родом из нашего Великого жуза, жил в Тогызтобе. По нашим меркам, он считался зажиточным человеком, так как имел в хозяйстве несколько лошадей, коров и овец.

– Ассалаумагалекум, ата!

На мое приветствие он, оживившись, с улыбкой ответил:

– Аликассалам, Журсынжан! Ого, ты взрослеешь на глазах. Уже возмужал, и голос твой становится похожим на отцовский. Будь умным мальчиком.

Он с наслаждением потягивал ароматный чай из пиалы.

На другой день Кызжибек и я вместе с Жадыра ата приехали в Тогызтобе. Здесь протекала маленькая речка, кругом раскинулись пастбища и леса. Однажды рано утром недалеко от скирды я увидел рыжую собаку средней величины и крикнул: «Кет!» Но она продолжала стоять как вкопанная, а глаза у нее горели как огонь. Я побежал назад, чтобы позвать на помощь Жадыра ата.

– Скорей, скорей, ата! Она вон там стояла! – указывая рукой в направлении неизвестной собаки.

– Апырай! Вот он, кызыл каскыр, то есть красный волк, ойпырмай-а! Жаль, что он не попал в мой капкан! – воскликнул ата. От слов «каскыр» я испугался и сердце вздрогнуло.

Взяв старую винтовку в руки, ата прицелился, но волк убежал.

– Аташка, откуда он здесь оказался?

– Такие собакообразные волки водятся в северных районах Китая. В поисках добычи хищники преодолевают до 600 километров и более. Они очень осторожны, могут передвигаться скрыто, крадучись, плотно прижимаясь к земле.

* * *

У Жадыра ата было две дочери. Старшая, невысокая, плотного телосложения, Нургалипа жила с мужем в Кызылжаре. Младшая, стройная, как лань, с жгучими глазами, Улжибек тоже была замужем. Однако, по слухам, с мужем долго не жила, так как его, Туяка Садыкова, забрали в армию.

Вскоре получили одно письмо, в котором он сообщил, что участвовал в боях на советско-финской границе. Больше от него никаких вестей не было. Об этом я узнал у Асем апай, жены Жадыра ата.

Вскоре отец увез нас домой. Перед отъездом Жадыра ата с волнением в голосе сказал: «Сынок, не забывай про нашу речку, хотя вы даже не успели в ней искупаться. За это время мы привязались друг к другу. Приезжай еще, отдохнешь, поможешь по хозяйству». Я ответил: «Скоро обязательно приеду!»

По воскресеньям на берегу Алмалинки было многолюдно. Сюда приходили бабушки и молодые матери из села Авангард с ребяташками. Они устраивались на горячем песке и рассказывали о войне, о внуках, о мужьях, воевавших на фронте. Моя черноглазая сестренка Кызжибек с завистью смотрела, как матери и бабушки ласкали своих детей и внуков. Особенно завидовала маленькой девочке с белыми косичками, у которой была молодая мама с очень добрыми и сияющими глазами. Эта женщина не могла усидеть на месте, бегала со своей малышкой, играла в прятки, а потом вдруг хватала ее, раскачивала на руках, подбрасывала вверх, затем принималась тискать, целовать. А девочка визжала от радости.

Кызжибек очень хотелось поиграть с этой женщиной и оказаться у нее на руках. Она, незаметно отошла от меня и, приблизившись к ней, жалобно попросила:

– Татешка, пожалуйста, поиграй немножко со мной, как будто я тоже ваша доченька!

Глаза у женщины вдруг стали большими, и сияние их померкло. Посмотрев на нее, она сочувственным тоном спросила:

– А у тебя разве нет своей мамы?

– Нет, я с отцом и братом Журсыном живу.

У женщины на глазах заблестели слезы. Она, видимо, представила себе, как ее милая доченька будет просить чужих людей немного ласки, если когда-нибудь, не дай бог, рядом не будет родной матери. Неужели ей откажут?! Все возможно, ведь люди бывают разными...

– Маленькая ты моя! – горячо воскликнула она. – Зачем же понарошку? Давай сначала познакомимся – меня зовут Мария, а как тебя?

– Кызжибек, – робко ответила она хриплым голосом.

– Ты, Кызжибек, тоже моя доченька! Твоего брата Журсына я хорошо знаю. Он дружит с нашим Борькой. А его мама, Людмила Васильевна, моя старшая сестра.

Мария схватила Кызжибек ласковыми руками, порывисто притянула к груди. Она поцеловала ее черную, спутанную курчавую голову. Губы у нее были мягкими, от их прикосновения у девочки учащенно забилося сердце. Такого теплого объятия и поцелуя Кызжибек не испытывала. Она трепетно прижалась к женщине и замерла на ее груди, боясь шевельнуться. Из плотно сомкнутых глаз Марии катились слезы. В груди Кызжибек словно что-то оборвалось, затем горячей волной хлынуло к горлу и так стиснуло ее, что она разрыдалась. Изредка эта милая, голубоглазая участковая медсестра Мария играла с моей сестренкой. На следующий год ей пришла повестка, и она уехала на фронт, оставив светлые и теплые воспоминания о себе.

* * *

В начале июня мы с отцом опять поехали в гости к Жадыра ата. В честь нашего приезда он зарезал крупного барашка, а пока варился бесбармак, аксакал развлекал нас песнями до глубокой ночи. Он перебирал струны, и домбра вместе с ним пела:

Мой край – Семиречье, родная земля,
Смогу ли воспеть, прославить тебя?!
Смогу ли передать твою красоту –
Надежды твои, твою боль и мечты?!

Временами отец подпевал ему. Я чувствую, как мелодия берет его за душу.

Вот это да! Как хорошо, задушевно пел ата. Как послушна ему домбра, аж сердце замирает. Пальцы его танцуют по струнам. «Вот бы мне так научиться играть на домбре», – подумал я. Звуки домбры выражали радость и печаль, воспевали красоту Джунгарских гор и долин, журчания рек. Ее напевы очищали наши души, еще теснее сближали нас.

– Говорят, если человек тянется к человеку, то он чувствует его на расстоянии, – начал свой разговор Жадыра ата. – С утра было предчувствие, что вы приедете. Асем подоила верблюдицу, вместо кумыса будете пить шубат!

За дастарханом ата произнес:

– За здоровье и благополучие наших земляков, которые сражаются на фронте!

– За то, чтобы мы победили! – добавил отец. Потом он сказал, что Баскунчинский сельсовет вручил ему повестку о призыве в действующую армию, и 7 июля 1942 года он должен прибыть в районный военкомат.

– Ты уже не молод. Тебе сорок четыре года, как же так?! Куда смотрят братья-агаины и местные бастыки. О Алла, кайтейин! – возмущался ата.

– Да, конечно... Но сейчас военное время, поэтому на возраст не смотрят. Да и мне самому хочется отомстить врагам, – взволнованно произнес отец.

Ата сочувственно покачал головой и предложил:

– Пусть дети останутся у меня. Когда ты с победой вернешься домой, забереешь их. Они голодать не будут. Журсын будет помогать мне по хозяйству. Кызжибек будем учить домашнему делу.

Отец на мгновение замер, потом задумчиво посмотрел на старика.

– Спасибо, айналайын, атам! Теперь моя душа не будет беспокоиться о детях. В моем холостяцком жилье остались кое-какие пожитки. Если у вас будет возможность, после моего отъезда можете забрать их для моих детей.

Младшая дочь Жадыра ата Улжибек испекла моему отцу на дорогу много лепешек и баурсаков. Была тихая звездная ночь. Я и моя сестра спали крепко. А Жадыра ата с женой почему-то сидели долго, разговаривали между собой. Улжибек укладывала в сумку испеченные на тандыре лепешки. Я вдруг почувствовал, как Асем апай наклонилась к моему уху и прошептала:

– Журсын, твой отец вот-вот должен прийти проститься с тобой и Кызжибек, проснись, дорогой.

Она протерла мое лицо мокрой тряпочкой, чтобы я скорее проснулся. Открыв глаза, увидел ее скорбное и печальное лицо.

Через какое-то время на коне явился отец. Асем апай принесла закипевший самовар. Чаепитие в их семье всегда было ритуалом. Затем зазвучали напутственные речи.

Отец внимательно слушал и нетерпеливо поглядывал на часы. Его глаза смотрели на меня, как будто торопили: «Быстрее, сынок! Скажи мне что-то, чтобы твои слова я запомнил навсегда...»

Я остро почувствовал мужской, по-особому едкий запах отца, который был мне давно знаком. Его мысли перебил ата:

– На фронте всякое может быть. Пока живой, бей и уничтожай фашистов за всех! Слава Аллаху! Будь храбрым, возвращайся с победой! В неравном бою с врагами пусть Аллах помилует тебя, Аумин!

Жадыра ата еще что-то хотел сказать отцу, но он встал с места, крепко прижал меня: «Жди меня, я вернусь». Для него эти слова были как предсмертный глоток воздуха перед атакой, а для меня – памятью сердца!

Отец крепко прижал меня и поцеловал в лоб. Слезы, с которыми он так мужественно боролся, неудержимо заполнили его глаза. Обнял хрупкую Кызжибек, чтобы избавиться от горьких мыслей, закрыл глаза. Он забылся на одну минуту, но в этот, очень короткий промежуток забвения отец как во сне увидел живую картину: свою любимую жену Алтын и дорогую мать Алиман. Их тонкие руки, худенькие плечи Кызжибек и меня с больными ногами и всю свою молодость. От волнения ему захотелось курить. Однако табака в кармане не оказалось.

Высокий, с печальными глазами, отец стоял, чуть сутулясь, и, зорким взглядом оглядел мое побледневшее лицо, погладил мои курчавые волосы. Затем вышел во двор, еще раз попрощался с нами. Вскочил на коня и поскакал в предраассветный туман. Ата и апа с фонарем в руках вошли в дом. Я шевелил губами, что-то хотел сказать, но не смог произнести ни слова и крепко уснул.

На другой день в райвоенкомате города Жаркент отец был зачислен в состав команды 3977 и отправлен на фронт.

* * *

Когда вижу родное село Алмалы, меня охватывает чувство гордости. Здесь живут мои дальние родственники и бывшая соседка Айша апай. Кто же, как не она, расскажет мне об отце? Я часто допекал ее просьбами рассказать что-либо об нем. Каким он был? Какой у него характер? Как относились к нему односельчане? Это было естественным желанием каждого из нас, кто рос без отца. Они ведь были предметом нашей мальчишеской гордости. Рассказы Айши апай об отце были скудны. И мне трудно объяснить это. Она помнила лишь то, что отец с утра до вечера находился на Дунгане, поливал кукурузу на плантациях. Но как-то мне все же удалось разговорить ее:

– Отец твой очень любил лошадей. В седле сидел, как бравый джигит, скакал на коне, как будто вдогонку с ветром.

– Как он к вам относился? Писал ли письма с фронта?

Она напрягает память, стараясь вспомнить самое важное.

– Помню, пришло только одно или два письма.

– Они у вас сохранились?

– Ни одно не уцелело. Потерялись, когда наша семья перекочевала в русское село Авангард.

– Айналайын, апажан, постарайтесь что-нибудь еще вспомнить, умоляю вас.

– Да что ты, в самом деле, как сагиз или репей прицепился! – сердилась апа.

На следующий день, встретив меня на улице, непредсказуемая Айша апай неожиданно пригласила меня в дом.

– У меня, оказывается, фотография твоего отца сохранилась!..

Меня словно кипятком ошпарило. Насколько я помню, у моей матери не сохранилось ни одной его фотокарточки.

– Как она оказалась у вас? – поинтересовался я.

– Мы вместе фотографировались перед уходом Елеусиза на фронт.

Я торопливо выхватил и прямо-таки впился глазами в нее. Отец! Неужели он? В первом ряду справа серьезный мужчина в пальто, на голове чабанская шапка. Двумя руками он держит меня. У глаз заметны морщины. Рядом сидит Айша апай. Она держит младенца. Позади нее знатный полевод колхоза Бактыбай. Он был родственником Куаныша Султанова, который сейчас является депутатом мажилиса РК. На коленях пятилетняя дочь Айши Нурхан. На обратной стороне надпись: «Село Алмалы, 1941 год».

– Можно, в Жаркенте одноклассникам покажу, и, если удастся когда-нибудь, напишу книгу и использую эту фотографию, – попросил ее.

Я глубоко благодарен Айше апа, сохранившей единственную фотографию моего отца. На прощание она протянула мне лепешку и мелочь на дорогу. Это был первый гонорар за еще ненаписанную книгу...

Вскоре, перед отъездом в Алматы, совершенно случайно оказался в родном поселке. Узнал, что апай жива, и отыскал ее. Глаза ее слезились от старости. Она долго и внимательно разглядывала меня, наверно, не узнала. Я назвался и увидел, как напряглась жилистая морщинистая шея и побледнели глаза.

Мы стояли какое-то время молча друг перед другом. Она тяжело задышала. Затем странно хмыкнула: «Да что про то калякать, ты и сам все знаешь».

Все, да не все, но сказал о том, что в газете «Ленинская смена» в июньском номере 1983 года была опубликована небольшая заметка, в которой я обратился к

ветеранам войны, сражавшимся вместе с отцом и знавшим его, Елеусиза Малбагарова, пропавшего в 1944 году без вести на фронте. Чтобы получить какие-нибудь сведения, сын написал, что Елеусиз Малбагаров, 1898 года рождения, призван в армию 7 июня 1942 года в Жаркенте.

Я продолжал поиски отца. В областной газете «Огни Алатау» было опубликовано объявление о розыске. В нем говорилось, что разыскивается без вести пропавший Елеусиз Малбагаров, 1898 года рождения, мобилизованный на фронт в составе 3977-й команды из города Жаркент. Если кто-то был в этой дивизии или слышал о нем, просьба сообщить... Также написал запрос в Центральный военный Архив Вооруженных Сил СССР в город Подольск и местные военные органы, но безрезультатно.

В Казахстане уже более десяти лет на телеканале «Хабар» существует программа «Бармысын, Бауырым?». Весной 2004 года я участвовал в этой программе и обратился к аудитории с просьбой сообщить мне хоть какие-нибудь сведения, но пока тишина. В Астане работает корреспондентский пункт московской программы «Жди меня». Решил продолжать поиск по российскому каналу. Надежда умирает последней! Пока жив, буду ждать! Если при жизни не получу весточку, то надеюсь, что поиск своего прадеда продолжат мои внуки...

* * *

Тұс – тәнірдің аяны. Вещие сны – от Всевышнего, – говорили предки. На днях мне приснился сон, будто напротив стоит отец и внимательно разглядывает меня. Кажется, он недоумевает, почему я такой грустный. По моим щекам текут слезы, чувство одиночества причиняет щемящую боль.

– Сынок, надо настроиться на хорошее. Вижу, ты растерян и тоска, с которой ты живешь с 1942 года, не покидает тебя. Может, устал за это время. Или временное расставание с супругой Калентай сказывается? Где она сейчас?

– Не волнуйтесь, отец. Она находится у дочери Аксункар и присматривает за внучкой Адилей.

– Журсын, – тихо промолвил отец, – хорошо, что она заботится о внуках. Я ей благодарен!

Мы молча стояли друг против друга. А потом отец пристально посмотрел на меня и промолвил:

– Не помнишь, сколько воинов Советский Союз потерял во время войны?

– Кажется, 27 миллионов.

– А Казахстан?

– 602 930 человек.

– А таких, как я, без вести пропавших, сколько? – спросил отец.

– В газетах писали, что около 271537.

– Я слышал, СССР распался. Как там наш Казахстан? – спросил отец.

– 16 декабря 1991 года Казахстан стал независимым государством. Лидер нашей страны Нурсултан Назарбаев все делает для того, чтобы и в независимом Казахстане, и во всем мире была стабильность. Это очень важно, особенно сейчас, так как весь мир сталкивается с новыми угрозами. Свободная наша страна смело шагает вперед, расправив свои гордые плечи, навстречу своему будущему.

– Молюсь Всевышнему Аллаху за процветание Казахстана, за здоровье и благополучие Елбасы Нурсултана Абишевича! – сказал он и дальше продолжил:

– Ну что ж, пишите и ищите, пока помните нас. Что еще желаешь сказать на прощание?

– Хочу прочесть на родном языке стихотворение, посвященное вам.

Әкем-ау! Дидарынды көре алмадым,
жыл құсындай масайрап оралмадың?
Майданнан есен қайтқан жандар көп қой –
сен неге оқ өтпес боп жаралмадың?!

– Рахмет, ботам! Сам написал? – спросил отец довольным голосом, и мне показалось, что на его лице появился румянец.

– Конечно, сам, кто нынче не рифмует. Стихи не пишутся – а случаются. Эти слова вырвались из души, изливая накопившуюся во мне тоску к вам, как призыв сына, который так нуждается в вашей поддержке и любви. Видимо, мне передан дар вашего отца, моего деда Малбагара. Эти стихи были опубликованы в областной газете «Жетысу» 9 мая 1970 года, затем в республиканском детском журнале «Балдырган» и в газете «Социалистик Казахстан» за 9 мая 1973 года.

– Алла Тағалам-ай! Шукир, тауба. Благодарю Всевышнего! Моему Журсыну передан талант деда, – благословил меня отец и исчез...

В центре села Баскунчи сооружен памятник, на котором увековечены имена павших в Великой Отечественной войне. Читаю на обелиске: «Ваше мужество и героизм – вдохновение для поколений! Ваш подвиг бессмертен! Товарищ, склони голову перед павшими за Родину!»

Моя дочь Динара, затосковав по родному аулу, летом прошлого года приехала из далекой Италии с детьми и побывала на родине отца. В списке героев войны она прочла более ста фамилий. Дед Елеусиз Малбагарулы значится в нем тридцать пятым. Ее дети Марко и Андрэ сказали: «Мы тоже станем, как наш дедушка, сильными и храбрыми, чтобы защищать себя и Родину».

P.S. До сего дня мне и моей семье неизвестно, где покойтся наш отец. Однако уверен, что он сложил голову в боях за Родину и пал смертью храбрых в борьбе с фашистскими захватчиками. Может быть, его останки лежат в братской могиле. Пусть этот небольшой рассказ станет для него горсточкой родной земли...

20.01.2015

